

шлось сидѣть одной; другой стулъ около круглаго столика оставался пустымъ; но она могла почти укрыться за зеленью, чего она, однако, не пожелала дѣлать. Она осмотрѣла и всю комнату, вглубь, нашла, что всѣ женщины были порядочнаго или, по крайней мѣрѣ, не подозрительнаго вида и тона. Только одна, болѣе шумная, группа, за дальнимъ столомъ, выдѣлялась и оставливалась на себѣ ея взглядъ.

Крупныхъ формъ брюнетка, лѣтъ за тридцать, вся въ черномъ, съ широкимъ напудреннымъ лицомъ и крашеными губами, но еще довольно свѣжая, и съ ней человѣка четыре мужичинъ. Зинѣ показалось, что они—русскіе... Нѣсколько фразъ, долетѣвшихъ отсюда—французскихъ фразъ—отзывались произношеніемъ, какого она достаточно наслышалась въ Петербургѣ. Двое были красны и сильно жестикулировали; вѣроятно, пообедали слишкомъ хорошо.

Въ дверяхъ стоялъ очень высокаго роста мужчина. На немъ мягкая, темная шляпа, сплюснутая въ тулѣ, желтоватый, въ мелкую клѣтку, англійскій костюмъ и свѣтлый галстухъ. Лицо длинное, съ русой бородкой.

Машинально Зина подалась назадъ, за косякъ, въ темноту растений, обставлявшихъ весь уголъ веранды; но сейчасъ же овладѣла собою и застыла въ напряженной, жесткой позѣ.

Въ эту минуту ей подали ея шерри-кобблеръ. Она взяла одну изъ соломонокъ въ ротъ и стала тянуть холодную темную жидкость и глазъ не опускала.

Это онъ, Рынинъ!.. Вошелъ, сталъ въ дверяхъ, бокомъ, чтобы не мѣшать проходящимъ, и оглядѣлъ, какъ будто разсѣянно, всю комнату. Поворачивалъ голову и въ ея сторону. У нея захватило дыханіе. Вотъ онъ сейчасъ подойдетъ къ ней!.. Нѣтъ, обернулъ голову, но что-то едва уловимое мелькнуло у него въ лицѣ, что она схватила,—сдѣлалъ два шага позади гарсона. Та женщина въ черномъ—теперь Зина видитъ, что эта французенка—изъ такихъ, которыхъ называютъ „la vieille garde“—его узнала, для него встала во весь ростъ, дѣлаетъ ему знаки и головой, и даже рукой, по-парижски. Онъ тоже ей кланяется, — не такъ, какъ кланяются, когда въ первый разъ видятся; вѣрно, они уже встрѣчались сегодня же, гдѣ-нибудь тамъ, въ билиардныхъ кургауза.

Зина все тянула изъ соломенки, а взглядъ ея шелъ черезъ головы сидѣвшихъ передъ ней. Волненіе ея не унималось, и это всего больше сердило ее. Онъ ее узналъ, и не пожелалъ даже сразу поклониться; но онъ подойдетъ. И находить онъ ее здѣсь, одну, за столикомъ, съ соломенкой во рту, въ двухъ шагахъ отъ нѣмки-куртизанки. Точно она сама кого-то ждетъ... Какой ужасъ!